

РАССКАЗ

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

И. ШМАКОВ

(Продолжение.
Начало в №46)

— Как в последнее время мама жила? — спросил Николай. Старушка поставила ведро с пышнопенной шапкой на лавку, у печки присела на табурет, по-старушечьи уронила руки на колени, тягостно вздохнула, сморщилась, подергала губами, синими, тонкими, и опять вздохнула.

— А че наша жизнь? Намедни, как Марьюшке, матери твоей-то богу душу отдать, царство ей небесное списислосли господь, вижу я сон: из нового сруба, из чужого, ташу бревно, уже ошкуренное, солнцем зацвеканное. Ташу, ташу, а как обернусь, все на месте. Опять волоку-волоку, а все не подаюсь. Страхом обуялась, бежать спохватилась, а ноги в подсек. Проснулась, а все тело потом пробито... Марье все обкашала, а она и говорит: «На гробы мне, Евдокия, бревно-то ташила». Да-а, так и молвила с выдохом, с печалью... Кто бы подумал...

— И сама я, сынок, некудышной стала-то. К Марьюшке невдолге и отправлюсь в гостишки. Совсем недавно-то я пошла гусяток своих сыскивать. Вот иду-иду невторопях, а тут в голове мелькнуло: дверь в сенцах полой оставила. Я в обрат прибегаю, а из сенцев здоровущая, мохнатая собачица как сиганет мимо меня да холодом жгучим мне обдаст, а глаза огненные.. Слу-

жалась я, сыночек, в полусе как зайдусь, а из дому-то Трофим и откликнись.

Николай смотрел на старушку, а на сердце росла и росла боль: если бы они жили с матерью, он так же вот слушал ее голос каждый день, помогал бы ей уже не так, как в военное время, а по-настоящему. А то он и деньги не всегда посылал. И не из-за жадности, а второпях забывалось.

— Так ты, сыночек, приходи к нам. Трофим радешенек будет. Ноги его не слышат третий год. Помнишь, чай, его?

Как же не помнить деда Трофима. Сколько знал сказок, побасенок и загадок. Сколько знал старинных обычаев и поверий. Учил девчат ворожить под новый год. И по его наущению однажды они, ребята, заранее в баньке подвешали несколько венчиков, сняв их с чердака, привязали веревочки к каждому и протянули за стенку. В полночь пять девочек пришли в баню, разделись до рубашек, распустили косы, в стакан с водой опустили золотое обручальное кольцо, накрыли стакан зеркалом, а потом, подняв его, смотрели в кольцо, что отражалось в зеркале, искали себе судьбу... И каково было девочкам, когда за их спинами, вначале тихо, а там сильнее и сильнее зашумели сохшиеся венчики...

Помнится, говорил дед Трофим, что за Архипушкиным садиком закопан клад. И найти его может смелый. Пойти туда

в полночь под Ивана Купалу и слушать, где из-под земли пошлится стон, подойти к тому месту и трижды палкой левой рукой ударить, и клад будет наружи. И ходили ребята. С нами и Николай. Но дед уверял, что клад есть и ходить нужно по одному, а не гурьбой.

И только ему виделись белые кобылы с огненными хвостами, старухи на метлах, только с ним случались необыкновенные истории.

Сидел Николай в постели матери, и перед ним плыла прошлая деревенская жизнь, такая интересная, заманчивая, полная происшествий. Перед ним протекало великое чудо из чудес — детство. И во всем детстве, как солнце, была мать... И вот не стало ее. Но что можно сделать, чтобы она была, где взять такие силы...

Болезненной тоской билось сердце. Щипало глаза, расплывались мысли. И уже через пять минут было невмоготу находиться в пустынной комнате, смотреть на медный крест с распятым Христом, что висел в углу. Быстро умылся и вышел на улицу. Солнце уже обласкало светло-синее небо, припарило землю, струистым, прозрачным маревом накрыло деревья.

ТРОФИМ, как ожидалось, встретил Николая радостно, тепло.

— Молодчик, что старого лешака наведаль. А я, Николка, скорючился. Как есть скорючился. При старон-то храбрюсь, а один останусь — в тоску вдаряюсь. Знаешь, — прищурившись и добродушно подмигнув Николаю, зашептал Трофим, — старуху-то я послал в ларек, за бутылочкой.

Николай смотрел на желтое, сухое лицо, с редкой коричне-

вой бородой и думал об ушедших годах. Был старик когда-то молодцом. Годы шли, а он все не старился. А теперь воп как сдал. Да и самому Николаю уже за сорок. И матери не стало. Казалось, она будет вечно ходить по земле.

— Меркантицы, что там, все гоношатся? Хвороба их побери.

Старик устал, стал тяжело дышать. Он выпростал левую руку из-под одеяла, ладонью накрыл грудь, где билось его слабое сердце, тихо досказал:

— Место я знаю. Из поколения в поколение оно указывается. Место, Николка, я знаю. По нему враз можно определить: будет ли ноне война. Как быть войне, так ключ открывається. Открывался он перед первой германской, перед второй... Открывался в годы финской и японской... Верно, верно. Вы, молодежь, не верите, а я сам ходил ранее. Нет войны, и ключ в землю уходит. Чуть приметное углубление остается...

В сенях загремело ведро, хлопнула дверь, и в комнату вошла старуха.

— Э-э-э... Мать, тебя за смертью и посылат. Чем я и воспользуюсь в свое время. Пожить еще можно будет, — усмехнулся старик.

— Продавщица товары принимала, будь неладна. Я ждатель-ждать, с Дуськой тут в разговор втянулась, к ней мужик возвернулся. Радешенька... И то два месяца на отходе шастал...

(Окончание следует).

// Заветы Ленина, 1976, 20 апреля, с. 4.